

Мокроусов Б.

18/III 89

Сов. культура - 1989 - 18 марта - с. 9

Вспоминая Бориса Мокроусова

Песни Бориса Мокроусова вошли в нашу жизнь не только голосами прославленных эстрадных артистов: они пропеты нами самими и потому запомнились, полюбились, навсегда остались с нами. Они живут сегодня, трогая душу, находя отклик у людей самых разных возрастов, профессий. Последняя работа композитора — музыка к кинофильму «Неуловимые мстители». О своей творческой дружбе с Борисом Мокроусовым — о художнике, человеке, 80-летие которого отмечают в эти дни, — вспоминает сегодня известный кинорежиссер народный артист Армянской ССР Эдмонд КЕОСАЯН.

множку стала складываться, потому что складывались доверительность отношений и обоюдное желание делать эту романтическую легенду. С первой встречи. Ну, а потом мы стали очень часто общаться, независимо даже от того, работали над картиной или не работали. Просто была какая-то потребность... Нет, не поговорить — помолчать: он же очень красиво умел молчать. Я встретился с человеком, который становился бесконечно красноречив, когда садился за рояль, за инструмент. А без инструмента он вообще себе не представлял времяпрепро-

ного солнца. На фоне этого диска к нам будут приближаться четверо всадников. И конец картины — они медленно уходят, на снова поднимающийся диск. Я еще не знал всего сюжета и столкновения эпизодов в этом сюжете, но это обрамление уже придумал. И не намерен был отказываться от него ни при каких обстоятельствах. И когда мы вплотную подошли с Борисом Андреевичем к работе, я ему рассказал этот замысел. Объяснил, нужна «песня — визитная карточка». Такая песня, чтобы я поверил, чтобы дальше уже взирал на все

— Что ж ты даешь готовую мелодию. Я буду в нее «влезать»...
— Да. И не только в нее, — отвечаю, — а в суть и смысл будущей картины, в этот солнечный диск будешь влезать...
И как мне кажется, Роберт очень здорово во все это «влез»! Очень здорово! «Бьют свинцовые ливни» организовала, сцентировала фильм.

даже нет фотографии ни одной с Борисом Андреевичем вместе. А ведь столько месяцев проводили с ним! Будто на Кубани или в Ялте, в Москве ли. И будни. И праздники. Любимым человеком он был в нашем доме!
О таких людях, как Борис Мокроусов, говорят: он сам себя сделал. Причем не благодаря обстоятельствам, а, я бы сказал, вопреки им.
Как-то, в Ялте это было, сидели мы с ним на бульваре Рузвельта, на набережной. Море было спокойное, и вечер был чудный. Как говорится, микроклимат располагал к задушевной, неторопливой бе-

друг друга. А он умел слушать так, как мало кто умел. Он был моим доверенным, душевным доверенным человеком.
И, конечно же, он был бесконечно ранимым, незащищенным, как всякий понастоящему большой талант. Незащищенным... Его ранить ничего не стоило. Он не умел защищаться...
Есть у меня горькое, не утихающее чувство боли. Когда я вспоминаю о Борисе Андреевиче Мокроусове, великом русском песеннике (я не преувеличиваю — великом!), перед глазами встает

Судьба

счастливая и горькая

Есть огромное число композиторов, которые все время на виду. Только нет их мелодий, которые я бы запомнил и нес в себе, как свои собственные. А есть композиторы, их абсолютное меньшинство, песни которых все время на слуху, а в лицо их не знаешь. Мокроусов для меня был именно такой фигурой, такой загадкой. А песни его, которые я так любил и принимал за народные, оказываются, имеют конкретного автора.

Хорошо помню то время и тот день. Я был поражен. До этого я в общем-то работал с неплохими композиторами, с хорошими и... очень разговорчивыми, я бы так сказал. А тут впервые встретился с человеком, который никак, ну, никак не идет на разговор. Все больше слушает. Какие-то междометия, ухмылки загадочные... Не могу понять: всерьез он меня воспринимает или не всерьез?

Повторяю, я очень нуждался в человеке, который бы понял меня и сумел сложить мелодию, абсолютно совпадающую с той, что напевает без слов человек, которая как будто бы уже была, как будто ты ее слышал, знаешь. Если такое случается, это — стопроцентное попадание, это — редчайший талант.

вождения. Не представлял! Сядет, ссутулится — и пошел... И не очень здорово играл. Многие играли куда лучше. Но играл он неповторимо!..

под впечатлением от этой мелодии, чтобы мелодия была мне помощницей...
Начались наши разговоры где-то в девять, после ужина. И не солгу: к трем часам утра песня родилась. То есть родилась настолько, что мы в два голоса пели оба своими непоставленными голосами: он — хрипатым, обрывчатым, потому что уже слова какие-то выдумывал, а я — слезно воодушевленным, потому что не верилось.

Ушли мы с женой пешком. Была весна. Рано, уже светало. Мы пошли-пошли по набережной. Я все ее напеваю и навсистываю. Может быть, эта мелодия уже существовала? Может, это народная мелодия? Потому что, как будто всю жизнь ее знал. Вот это и есть феномен Мокроусова — писать песни, с первого же знакомства становящиеся твоими, словно существовали они давно.

седе. И я ему говорю:
— Дядя Боря, а ты счастлив?
— Конечно...
— Ну а если до конца быть откровенным?..
— Счастлив. Только в Москве мне тесно...
— Чего так?
— На Волгу хочется... На Волгу...
Очень гордился он тем, что волжанин. И нет, пожалуй, песни такой у него, по крайней мере из тех, что я знаю, которая так или иначе не уходила бы корнями своими туда, к Волге. Нет у него, в сущности, такой песни.

картина — грустная, неповторимая, последняя.
...Гроб... И некому поднять. А ведь было это не в годы Пролеткульта и не до революции. Это совсем недавно было, на наших глазах. Поднимали мы его со своими «неуловимыми» — четверо пацанов 14—15-летних и я, человек немного постарше и посылнее.

Картина «Неуловимые мстители», задуманная мною тогда, представлялась как полуплеганда, полуприписка, полусказка. Хотелось сделать романтическую киноигру. Я ее делал для своего старшего сына (ему в ту пору было семь-восемь лет). А известно, для себя сапожник не шьет плохой обуви. И потому для своего сына, полагая, что, коль понравится ему, понравится и всем детям. Ведь все мальчишки во все времена мечтают быть лихими, смельчачи, ловкими, отчаянными. Им нужен свой романтический герой, своя романтическая легенда. И мы должны дать ее, насытить карти-

Направившись к нему, я немножечко подготовился: уже знал, что ему посчастливилось с Мейерхольдом работать. Понимал, что человек этот молчит не потому, что ему нечего сказать, а быть может, взвешивает, присматривается ко мне. Может, растает? А может, и не растает. Все зависит от того, каким я ему приглянусь, насколько его согреет то, о чем я ему рассказываю.

Такой человек сидел передо мною в ту первую нашу встречу. Скажу прямо: я в него влюбился, я просто влюбился в Бориса Андреевича Мокроусова. Я видел, что передо мною — безумно молодой человек! Бесконечно молодой! Моложе многих сверстников моих. А было ему в ту пору уже совсем не тридцать...
Песня в общем-то поне-

Открою секрет. Еще задолго до того, как был написан сценарий по мотивам книжки Павла Бляхина «Красные дьяволята», который мы создавали с Сергеем Ермолинским, я придумал для себя, что обязательно картина должна начинаться по изобразительному ряду с того, что будет подниматься диск багря-

Когда мы говорим о маленьких и больших чудесах, для меня одно из чудес — то, как родилась песня неуловимых — эта главная песня картины.
Не было никаких слов. Роберт Рождественский выразил потом недовольство:

Мы многого не успеваем сказать при жизни человеку, достойному услышать настоящую оценку. Не знаю, чем это объяснить.
Если я о чем-нибудь жалею сегодня, вспоминая Бориса Андреевича Мокроусова, так только о том, что не успел сказать ему всех тех слов, ну, или не так хорошо сказать, так сердечно, как говорю сейчас. Наше вечное убеждение, что нам еще долго жить и работать, что мы еще успеем, позволяет быть непростительно невнимательными друг к другу. У меня

Это — к вопросу о том, откуда черпал он вдохновение, помнил ли родство свое и происхождение, корни свои и истони. Он их просто не забывал. Ни на секунду...
Сейчас, все острее и острее я ощущаю, как мне не хватает Бориса Андреевича. Казалось бы, люди мы с ним разного возрастного ценза и круг друзей и знакомых у нас был вроде разный, у каждого свой. Но человечности мне его недостает, нежности. Он был нежнейшим человеком.
Мы слушаем друг друга часто, и очень редко слышим

Нет, не так должно было проводить в последний путь Бориса Андреевича Мокроусова. Не так!
Вот эта картинка, к великому сожалению, никак не стирается в моей памяти. Наоборот, с годами она воспринимается все острее. Почему это могло произойти? Из-за бездушного, бесхозяйственного отношения к талантам, которое стало уже дурной традицией? Неужели так каждый раз будет с большими художниками, которые не умеют думать и беспокоиться о вещах земных, как ныне бездарные и бесталанные, сокрушающие себе памятники при жизни? Судьба Бориса Андреевича Мокроусова — напоминание о том.
Больно и горько!
Записал
Юрий БИРЮКОВ.